

Яга1

СНАЧАЛА
КОФЕ,
ПОТОМ
МУЖЧИНЫ

ТРЫНДЕРЬ

Найди свою сказку!

Князя
Богатыри
Купцы
Лешего

и прочие...

18+

СОРОЧЬИ
НОВОСТИ

ЗЕЛЬЯ
ДЛЯ ЛЮБВИ

САМОРАЗВИТИЕ
ПО-СЛАВЯНСКИ

КАК ВЛЮБИТЬСЯ
В КОЩЕЯ (И ВЫЖИТЬ)

СЧАСТЬЕ
В ЛЮБОМ ЛОЗРАСТЕ

КАК ЯГА МУЖА ИСКАЛА

Лана Эмбер

СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

18+

ЛАНА ЭМБЕР
КАК ЯГА МУЖА ИСКАЛА 18+

«Автор»

2026

ЭМБЕР Л.

КАК ЯГА МУЖА ИСКАЛА 18+ / Л. ЭМБЕР — «Автор», 2026

Первая книга из серии ЯГА/ сказки для взрослых. Она есть в двух версиях: Яга1 и Яга1 18+С какой из них начать знакомиться с миром Яги , решать вам. Вся правда о дейтинге в Тридевятом царстве. Великая и ужасная Баба-яга заполнила анкету в брачной газете. И сказочный мир сошел с ума. Эта книга — нефильтрованный, сочный и уморительно смешной разбор знакомств. Как выжить на свидании, если твой кандидат эмоционально недоступен в квадрате, предлагает расплатиться за ужин «женской энергией» или привозит на встречу упыря-нотариуса? Яга покажет, почему низкий рейтинг — не повод проходить влево, и как ломается мужская навигация от хорошего ведьминского норова. P.S. Специально для пугливых соискателей, а также для матушек в соседней светлице автор подготовил параллельную Версию Избушки (16+) "«Как Яга мужа искала». Там Яга пьет ромашковый чай, никого не материт и ведет себя прилично. Выбирайте свой уровень погружения, но помните: настоящая магия кипит именно здесь!

© ЭМБЕР Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первая ошибка	5
Глава 2. Срамной листок	10
Глава 3. Утро после	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

ЛАНА ЭМБЕР

КАК ЯГА МУЖА ИСКАЛА 18+

Глава 1. Первая ошибка

«Жила-была Баба-яга. И жила она, надо признать, на зависть многим. Дом крепкий, личный, с характером. Ступа исправная, послушная. Лес кругом тянулся настолько, насколько хватало глаза и позволяли пожелтевшие охранные грамоты. Долгов за душой не водилось, кредиторы не докучали. Соседи, конечно, порой донимали, но на то они и были созданы природой: чтобы крепость ягиных нервов проверять. По утрам Яга неизменно пила травяной отвар из сушёных сборов и целебной росы, собранной на рассвете с северных пазух папоротника. Гостей встречала пирогами, мужчин сторонилась по причине природной скромности, а долгими зимними вечерами вязала носки для сироток из соседней деревни...»

— Что за нахер?! — сказала Тень Яги, или, как сейчас модно говорить, Архетип, дочитав начало черновика «Как Яга мужа искала», присланного Яге из редакции на согласование. — Носки?! Сироткам?! Да последний сиротка, который к ней сунулся, до сих пор заикается!

Тень медленно повернулась к печи.

— Это ты, что ль, Избушка, всё переврала? Всё пытаешься Ягу белой да пушистой сделать?!

Избушка нахохлилась ставнями и сердито топнула ногой.

— Ты мне тут не топай! Знаю я тебя: гостей любишь, вот и хочешь, чтоб к хозяйке очередь стояла. Охо-хо... Видно, пришло время на свет выходить. Напишу всё как было на самом деле. Страна должна знать своих героев в лицо.

Тень вздохнула, отодвинула рукопись, обмакнула перо в чернильницу и вывела на чистом листе:

Жила-была Баба-яга. И жила она, надо признать, на зависть многим. Дом крепкий, личный, с характером. Ступа исправная, послушная. Лес кругом тянулся настолько, насколько хватало глаза и позволяли пожелтевшие охранные грамоты. Долгов за душой не водилось, кредиторы не докучали. Соседи, конечно, порой донимали, но на то они и были созданы природой: чтобы крепость ягиных нервов проверять.

По утрам Яга неизменно пила кофе. Никаких травяных отваров, сушёных настоев или целебной росы, собранной на рассвете с северных пазух папоротника, только кофе, крепкий, как смоль, горький, без единой крупинцы сахара. Она открыла его для себя века два назад, когда заезжий купец, заплутав в глуши, наткнулся на её Избушку, переночевал, а поутру, обнаружив себя целым и несъеденным, так расчувствовался, что оставил хозяйке мешок ароматных тёмных зёрен. Яга тогда попробовала напиток и окончательно рассудила, что человечество, пожалуй, ещё имеет право на существование.

В то утро она сидела на замшелом крыльце, грея ладони о глиняные бока кружки, и смотрела, как над сонной низиной лениво ворочается седой туман. Лес жил привычной жизнью: в чащобе по-плотнички стучал дятел, из-под старого сарая выкатился ёж, замер посреди двора и глубоко задумался, куда и зачем он шёл. За спиной у Яги, тихонько поскрипывая брёвнами, переминалась с ноги на ногу Избушка. Она всегда так делала, стоило ей застояться на одном месте.

— Не ёрзай, — не оборачиваясь, бросила Яга.

Дом послушно замер, но через пару секунд, не выдержав, осторожно переставил левую лапину. Яга сообщила, что всё видит, и лапа обиженно вернулась на место. Жизнь была хороша именно своей предсказуемостью, хотя событий в ней хватало с избытком: то леший являлся на полусогнутых, умоляя снять заклятие, которое сам же на себя наложил по хмельному делу, то залётные царевичи шлялись по просекам в поисках невест, смерти, славы или всего разом, то какая-нибудь девица с заплаканными глазами требовала путеводный клубок. Клубки Яга давно перестала выдавать из принципа: шерсть нынче дорогая, возвращают редко, а после того как один Иван три месяца покорно брёл за клубком по чащобе и потом предъявил претензию, что навигация привела его обратно к законной жене, навигационные услуги населению больше не оказывались.

Всё это было наносное. Оно приходило, шумело, грозилось, рассыпалось в благодарностях, иногда честно пыталось её убить и неизменно убиралось восвояси. А настоящая жизнь оставалась её собственной. Дом её, лес её, утро только её. Никому не нужно объяснять, почему ступа стоит посреди кухни третьи сутки, никто не заглядывает в погреб с дурацким вопросом, зачем там семь банок сушёных жаб, никто не трогает травы, разложенные по столу в веками выверенном беспорядке. И главное, никто над ухом не храпит. Последнее Яга ценила особенно ревностно.

Она допивала кофе, когда со стороны просеки донёлся ровный металлический стук, а через минуту из-за сосен вышел Тихон. Он появился на поляне с таким видом, будто никуда со двора и не уходил: большой, широкоплечий, в старой клетчатой рубаше с закатанными до локтей рукавами, с увесистым ящиком инструментов, который нёс легко, как пушинку. Яга перевела взгляд с ящика на кузнеца.

- Нет.
- Доброе утро.
- Всё равно нет.
- Кофе свежий?
- Не для тебя.

Тихон молча кивнул на ступу, которая стояла у бревенчатой стены с самым невинным видом.

- Вправо тянет.
- Ничего её не тянет! Я вчера на ней летала.
- Потому и тянет.

Он присел на корточки, провёл мозолистой ладонью по дубовому ободу, а потом, ни о чём больше не спрашивая, полез внутрь и принялся, как заправский фокусник, извлекать на свет божий её сокровища. На траву глухо шлёпнулись два холщовых мешка, свёрток полыни, медный котёл, ещё один котёл (поменьше, тут Яга почти не соврала), коробка со склянками, чей-то кожаный пояс и добротный юфтевый сапог. Сапог Тихон приподнял двумя пальцами за голенище и вопросительно поднял бровь.

- Запасной, — объяснила Яга.
- А почему один?
- Второй потерялся.
- Тогда это не запасной, Яга. Это оставшийся.

Последней из ступы появилась чугунная сковорода, которую Яга искала всю прошлую неделю, а из-под обода Тихон с усилием выковырял топор.

- Топор нужен, — быстро сказала Яга.

— Зачем топор на высоте птичьего крыла?

— Мало ли что в небесах случится.

Тихон промолчал. Это была одна из самых раздражающих его привычек: молчать он умел с таким сокрушительным изяществом, что человеку рядом становилось до капли ясно, что именно Тихон о нём думает. Знали они друг друга давно, лет сто пятьдесят, может, чуть меньше, если сбросить пару дождливых зим. За это время менялись цари, перекраивались границы, обесценивались деньги и менялись представления людей о приличиях, а Тихон менялся меньше всех: немного поседел у висков, обзавёлся сеткой добрых морщин возле глаз и стал ещё реже спорить с дураками. С Ягой, впрочем, спорить не переставал.

Он подхватил ступу за край, как ведро с водой.

— Заберу в кузницу. Верну, если снова не напихает туда половину хозяйства.

— Обшивку не поцарапай! И петлю глянь заодно, скрипит, как неживая.

— Я тебе про эту петлю который месяц твержу.

— Я сама собиралась смазать. На днях.

Тихон выразительно посмотрел на её чистые сухие ладони и ушёл по тропе со ступой на плече. Петля, когда Яга понесла в дом сковороду, протяжно скрипнула ему вслед, будто нарочно.

После обеда Яга слетала на торжок за солью, раз уж старая отсырела. Летела на метле, ступа была у Тихона. Покупателей на площади оказалось мало: промозглая морось разогнала даже самых стойких. У края рядов, где худой навес протекал сильнее всего, сидел промокший насквозь старик с корзиной трав, и товар у него лежал вперемешку, без всякого изящества. Яга купила у него всё сразу, не торгуясь, отчего старик смутился так, будто привычный рыночный спор был бы ему понятнее этой внезапной милости.

Он долго возился под прилавком и вытащил тонкий прутик с двумя поникшими листочками: яблоньку, даром, от чистого сердца, «яблочки у неё со временем сладкие будут». Отказываться после того, как человек весь день мок ради пары грошей, было неловко. Дома Яга воткнула прутик слева от крыльца, где земля помягче, привязала к колышку и тут же выбросила из головы. Мало ли кто чего на торжке всучит.

Кикимора пришла, как водится последние двести лет, без предупреждения. Дверь жалобно скрипнула, и гостя с порога, не отряхнув мокрый платок, деловито осведомилась:

— Пожрать есть?

— Нет, — не поднимая глаз от ступки, ответила Яга.

Кикимора направилась напрямиком к печи и заглянула в чугунный зев.

— Врёшь.

Она подцепила ухватом горшок, нашла на полке ложку и уселась за стол. Внешне она была маленькая, суховатая, с волосами неопределённого болотного оттенка, стянутыми на затылке в такой тугий и сердитый пучок, словно Кикимора лично не доверяла ни одному своему волоску. Ничего примечательного в ней не было ни на первый взгляд, ни на второй. Но стоило провести с ней рядом четверть часа, как выяснялось, что она помнит, кто кому что наговорил девяносто лет назад на княжеском пиру, сколько мешков муки недосчитались амбары после свадьбы царя Гороха и почему ни в коем случае нельзя покупать мёд у пасечника за северной речкой.

— Послезавтра все придут, — заметила она, причмокивая.

До праздника Колеса года, осеннего поворота, когда дни ещё держат летнее тепло, а по утрам над низинами уже стелется туман, оставалось два дня, и подготовка каждый год шла по одному сценарию. Сначала все клялись обойтись без суеты, потом выяснялось, что Русалка опять забыла про рыбу, Марья Моревна везёт дров на три зимы вперёд, Василиса Премудрая составила список необходимого на четырёх листах мелким почерком, а Елена Прекрасная решила, что прошлогодние венки выглядят «немного устало». Собирались они на праздники

так давно, что никто уже не помнил, когда это стало традицией. Иногда у Василисы, пару раз у Русалки, но после второго случая, когда половину праздничных пирогов вылавливали баграми из реки, затею оставили навсегда. В этот раз Колесо крутилось у Яги, потому что у Яги была поляна, печь, погреб и Избушка, которая обожала гостей, хотя никогда в этом не признавалась.

— Русалка божила рыбу принести.

— В прошлом году тоже божила.

— В прошлом году она влюбилась, и у неё утекли мозги. А в этом пообещала не влюбляться до самого праздника.

— Рискованное обещание для девки с рыбьим хвостом.

— Поэтому рыбу я на всякий случай заказала ещё у водяных.

— Разумно.

Кикимора доела, отнесла горшок к печи и принялась зачем-то переставлять ягины банки на полке, а потом мимоходом бросила:

— Лебедь тоже придёт.

Яга скривилась, как от кислого яблока и чуть не выронила пучок полыни. Кикимора обернулась и смерила её долгим болотным взглядом.

— Опять рифму к её имени подбираешь?

Царевну Лебедь Яга знала не первую сотню лет и относилась к ней вполне сносно, особенно когда та находилась на приличном расстоянии. У Лебеди был редкий талант получать от жизни всё, ради чего другие женщины строили планы, вели тяжёлые переговоры или хотя бы просили. Сама Лебедь никогда ничего не просила и подчёркивала это при каждом удобном случае. Новое ожерелье стоимостью с удельное княжество непременно было «подарено». Новая карета тоже. А когда у неё однажды появился целый остров, Яга спросила в лоб, как человеку можно невзначай подарить остров, и Лебедь искренне захлопала ресницами: «Ягусь, ну я же его не просила!» С тех пор Яга уточняющих вопросов не задавала, а рифму держала при себе.

Спорить с Кикиморой о том, где стоять можжевельнику, было всё равно что спорить с осенним дождём о сырости, поэтому Яга налила себе ещё кофе, и некоторое время они сидели молча, слушая, как за окном шелестит мокрый лес и Избушка лениво ковыряет когтем размокшую землю во дворе. Наконец Кикимора поднялась и повязала платок. Уже в дверях, под протяжный скрип петли, она обернулась.

— Да, Лягушка обещала принести на праздник одну газетку. Свежую.

— Какую ещё газетку?

Кикимора посмотрела на неё так невинно, что Яге немедленно захотелось проверить, на месте ли все банки.

— Увидишь.

Дверь закрылась. Яга пожала плечами и вернулась к своим корням. Газеты её никогда не интересовали, и ничего опасного она в этом не видела.

Глава 2. Срамной листок

Через два дня к полуночи праздник поворота Колеса года дошёл до той счастливой стадии, когда никто за столом уже не помнил, кто что принёс, кто что обещал и почему Русалка опять сидит без рыбы. Длинный стол под навесом ломился от пирогов, грибов, мёда, копчёного мяса и карасей, которых водяные привезли полную бочку. Над ним покачивались рябиновые венки, сделанные Еленой Прекрасной, а Избушка, украшенная лентами, как невеста перед венцом, стояла чуть поодаль и делала вид, что её здесь нет, хотя явно подслушивала.

Марья Моревна сидела на месте Яги, во главе лавки, которое Яга трижды отвоёвывала у нее и трижды проигрывала. Василиса Премудрая что-то вычёркивала в списке, хотя ужин давно перевалил через все пункты. Царь-девица открыла вторую бочку и наливала с таким лицом, будто подписывала мирный договор. Кикимора успела переставить у Яги половину банок в кладовой и теперь отдыхала от трудов праведных. Несмеяна сидела на краю лавки, вроде бы со всеми и немного в стороне. Царевна Лебедь, опоздавшая, как водится, на целый час, поправляла на запястье новый браслет с зелёными камнями. Браслет ей, разумеется, подарили, и она, естественно, не просила.

Подругами этих женщин Яга не называла никогда: слово было слишком мягкое и предполагало добровольность. Эти женщины однажды появились в её жизни и почему-то отказались уходить. Это были не подруги. Это было хроническое.

Царевна-лягушка дождалась, пока Марья опустошит третью кружку, полезла в корзину и с видом заговорщицы выложила на стол толстую газету, пахнущую свежей типографской краской. Поверху витиеватыми буквами с вензелями было выведено «ТРЫНДЕРЪ», ниже мелко: «Газета знакомств для людей, нелюдей, условно живых, временно мёртвых и лиц с неопределённым статусом». Девиз в самом низу листа, «Трынди меньше — милуйся больше», стол встретил таким хохотом, что Избушка присела на обе ноги, и следующие четверть часа газета ходила по рукам, обрастая пятнами от вина и мёда. Елена пожелала знать, бывают ли там князья, Русалка — бывают ли там красивые, Марья — бывают ли там нормальные. Василиса потребовала уточнить, кто проверяет сведения, а Кикимора сообщила, что никто, и это, по её мнению, самое интересное.

Когда газета дошла до Яги, та листала её без особого почтения, пока палец сам не остановился на третьей полосе.

— Так, кума, погоди, притормози на третьей полосе, — Яга аккуратно коснулась газетного листа ухоженным ногтем с безупречным маникюром и медленно повела пальцем вниз по строчкам. — Что там у этого Кощея в объявлении напечатано? «Ищу партнёршу для ролевых игр. Гарантирую полное погружение, есть своя темница, шёлковые путы и кожаный трон». Это что ещё за игры? В городки, что ли? Или в поддавки в темноте?

Лягушка шумно вздохнула. Она поправила сползающую набок золотую заколку, отчего густые локоны рассыпались по её обнажённым плечам, и перевела томный взгляд на соседнюю колонку, где красовалась просветительская статья от редакции под интригующим заголовком «Что такое ролевые игры: гид для неискущённых».

— Сейчас узнаем, Ягусь. Вот, смотри, тут статья. Пишут: «Ролевые игры в постели — это психологический и телесный метод разжечь страсть и разнообразить интимную жизнь. Партнёры временно принимают на себя вымышленные роли, отдаваясь во власть выбранного сценария и скрытых желаний».

Над столом повисла пауза, какая бывает, когда десять взрослых женщин одновременно пытаются переварить услышанное. Первой опомнилась Марья Моревна. Она отставила кружку, лениво потянулась и прищурилась так, словно ей описали новую тактику осады.

— То есть как это? — переспросила она, и голос у неё сделался чуть ниже, с хрипотцой. — Притворяются кем-то другим, когда дело доходит до сеновала?

— Ну да, — Русалка выдернула газету у Лягушки и быстро пробежала глазами колонку. Дыхание у неё едва заметно участилось, и Яга это отметила, потому что за Русалкой всегда стоило приглядывать. — Слушайте, тут даже сочные примеры есть. «Популярный сценарий: Сантехник и Домохозяйка. Мужчина делает вид, что пришёл чинить протёкший кран, а полуобнажённая женщина понимает, что ей совершенно нечем расплатиться за работу... кроме собственного тела».

Яга громко расхохоталась.

— Ой, не могу! Протечку он пришёл чинить, говоришь? Да у нас пол-царства так живёт, когда Емеля трезвый и горячий! А если у неё денег нет, она ему что, горячими пирогами отдавать будет? Прямо на кухонном столе?

— Ягуся, ты не поняла, пироги там совсем другого характера... куда более сладкие и сочные, — Лягушка смущённо порозовела, и на её девичьих щеках проступил нежный, стыдливый румянец, выдающий её собственные мысли. Она поправила вырез блузки, под которой испуганно вздрагивало сердце, и потянула газету к себе, но Русалка уже успела перевернуть страницу.

— Тут дальше написано, — подхватила Елена Прекрасная, склонившись над листом с тем профессиональным интересом, с каким разглядывала заморские ткани, — «Главное в таких играх — костюмы, антураж и полное подчинение. Вы можете примерить образ Строгой Учительницы и Непослушного Ученика, готового на любые наказания, Медсестры и Пациента, жаждущего телесного исцеления, или Властного Босса и покорной Секретарши». Костюмы, девочки! Я всегда говорила, что всё дело в костюмах.

Василиса Премудрая, до сих пор делавшая вид, что занята списком, отложила перо. Она скользнула ладонью по строгому вороту платья, словно проверяя, насколько горяча её собственная кожа, и снова вчиталась в убористый шрифт «Трындера».

— Босс и секретарша... Это как Князь и писарь, что ли? И в чём прикол? Один диктует указ о налогах, а второй пишет, потеет и возбуждается от суровости господина? Ну и извращения эти смертные. Хотя... — она задумалась на долю секунды дольше, чем подобало Премудрой, — если Князь прикажет писарю раздеться прямо на ковре...

За столом стало так тихо, что слышно было, как в кладовой мыши делят орех. Василиса медленно взяла перо и с ледяным достоинством вычеркнула в списке пункт, которого там не было.

— Да нет же, — Лягушка чувственно заёрзала на лавке, ощущая, как внутри разливается томительное тепло. — Это чтобы рутину разбить, когда кровь стынет! Вот представь: живёшь ты со своим Иваном-царевичем триста лет. Каждый день одно и то же, пресно, как несолёная каша: «Принеси стрелу, испеки хлеб, обернись лягушкой». Скукотища! А тут ты надеваешь, например, латексный костюм...

— Какой-какой костюм? — прищурилась Яга, и в её глазах блеснул опасный, хищный огонёк. Она подалась через стол, почти касаясь Лягушки, так что её дыхание тронуло лицо подруги.

— Ну, тут на чёрно-белом рисунке показано, — Русалка ответила раньше Лягушки, и это тоже было подозрительно, — блестящий такой, обтягивающий, как вторая кожа, из чёрной тугой резины. Обнажает всё, что нужно, и утягивает до изнеможения. И ты делаешь вид, что взяла его в плен, связала по рукам и ногам. А он должен умолять тебя о пощаде, лаская твои сапоги и вымаливая каждый поцелуй.

Девять пар глаз медленно повернулись к Русалке. Русалка невинно похлопала ресницами и показала на рисунок, который, при всём уважении к редакции, был размером с ноготь и такого количества подробностей не содержал.

— Связать я и без латекса умею, — с совершенно серьёзным видом заметила Марья Моревна. — Морским узлом. За четыре удара сердца.

— Я бы и узлом не стала, — Царь-девица отпила из кружки, не меняясь в лице. — Он бы у меня сам лёг. Из уважения.

Яга задумчиво прикусила нижнюю губу.

— Хм. А в этом что-то есть. Очень даже горячо. Я, считай, всю жизнь в похожем режиме живу, только без латекса. Ко мне в избушку кто ни придёт — все пощады просят, на колени падают, пока я их банькой, массажем крепким да сытным ужином пронимаю. Оказывается, я передовая женщина, бабоньки! По самой что ни на есть заморской моде, так сказать.

— Погоди, тут в самом низу страницы жирным шрифтом выделено, — Кикимора, никогда в жизни не пропускавшая мелкий шрифт, ткнула пальцем в бумагу с видом человека, нашедшего в договоре подвох. — «Обязательно используйте стоп-слово. Это заранее обговорённый секретный пароль. Если игра заходит слишком далеко, становится некомфортно, слишком остро или горячо, партнёр произносит стоп-слово, и любые ласки и подчинение тут же прекращаются, а партнёры возвращаются в реальные роли».

Яга скептически хмыкнула и с хрустом раскусила орех.

— Стоп-слово? Какая глупость. У меня в избушке стоп-слово одно, от которого у любого молодца штаны трещат: «Повернусь к лесу задом, к тебе передом».

Избушка за её спиной гордо скрипнула всеми брёвнами, подтверждая, что так оно и есть. Несмеяна, весь вечер не проронившая ни слова, подняла глаза от кружки и тихо спросила, а что, если стоп-слово скажет он. Яга посмотрела на неё поверх кружки так, как смотрят на ребёнка, спросившего, почему вода мокрая.

— Значит, рано пришёл. Ладно, кума, переворачивай страницу этого срамного листка иноземного. Давай лучше посмотрим, что там Горыныч в колонке коротких объявлений написал. Небось опять ищет горячую девицу «без комплексов и с тремя ртами», чтоб удовлетворить все свои головы на одной волне...

Лягушка перевернула страницу, и брови её поползли к самой золотой залке. Рубрика называлась «Фольклор заграничный», и первое же объявление Кикимора зачитала вслух, не дожидаясь разрешения: «Садко. Ищу владычицу морскую. Люблю, когда меня заставляют играть на гусях три часа без перерыва. Наручники из ракушек приветствуются». Русалка поперхнулась вином и закашлялась так подозрительно, что Марья постучала ей по спине кулаком, явно с удовольствием. Елена пожелала знать, зачем гусяру наручники, а Яга заметила, что одно другому не мешает и за три часа на гусях у него пальцы сотрутся раньше, чем совесть.

Следующее объявление прочитала Марья, и голос у неё становился всё тише с каждым словом, как у человека, узнающего в некрологе знакомого: «Крепкий богатырь ищет госпожу для сурового общения. Люблю когда меня называют „непослушным мальчиком“. В комплекте идёт своя плётка-семихвостка. Добрыня».

— Добрыня?! — Яга прикрыла рот ладонью, содрогаясь от хохота. — Непослушный мальчик?! Да он дракону залетному три башки за раз сносил, а тут хочет, чтобы его девка по заправку шлёпала и на горох ставила? Ой, мамочки, держите мою ступу, у неё сейчас дно от смеха отвалится! Представляю: заходит Алёша Попович в светлицу, а там Добрыня в кожаных трусах и с кляпом во рту умоляет дать ему прополоть капусту!

Марья мрачно сообщила, что ходила с Добрыней в поход и он весь поход объяснял ей, что женщине не место в седле. Царь-девица заметила, что теперь хотя бы понятно, где ей, по его мнению, место.

Горыныч нашёлся в самом углу, мелким шрифтом, словно стеснялся, и Лягушка зачитала его с выражением: «Одиноким змей ищет раскрепощённую триаду. Три головы — в три раза больше поцелуев. Минусы: часто спорим, кого первого целовать, иногда путаемся в языках. Стоп-слово: „Огнетушитель“».

Яга бессильно уронила голову на стол и застучала кулаком по скатерти так, что подпрыгнули пироги.

— Путаются в языках! Слыхали? Они внутри одной шеи договориться не могут, чья очередь кусать за ушко! Это же если он решит устроить французский поцелуй, там три потока в одну бедную девку потекут, как паводковые воды! А стоп-слово «Огнетушитель» — это потому, что если средняя голова возбудится, левая от ревности начинает кашлять искрами и поджигать занавески!

Лебедь, весь разговор сидевшая с видом царевны, случайно забредшей не на тот праздник, деликатно заметила, что у неё с Горынычем были прекрасные деловые отношения и ни

одна занавеска не пострадала. Девять голов повернулись к ней одновременно. Лебедь поправила браслет и сказала, что больше ничего говорить не будет, потому что это конфиденциально.

— Зато Кощей-то каков! — Лягушка, всхлипывая от смеха, вернулась к третьей полосе. — Смотрите, в самом низу его объявления: «Внимателен к деталям. Брачный контракт на сессии прилагается. Четыреста страниц ограничений и опись имущества, подлежащего порке».

Яга выпрямилась, утёрла слёзы и победоносно ухмыльнулась.

— Ну, Кощеюшке с его тремя костями только кожаный трон и остаётся. Его же если посильнее плёткой приложить, он обратно в иголку рассыплется, и собирай его потом по всей темнице с веником! И трон у него не кожаный, а дерматиновый, я на нём сидела, к ногам липнет.

Она сказала это и только потом услышала, что сказала. Над столом повисла тишина совсем другого качества. Кикимора медленно поставила кружку, Василиса отложила перо и вопросительно подняла бровь, Русалка замерла с куском пирога на полпути ко рту, и даже Несмеяна посмотрела на Ягу с живым интересом, что случилось с ней раз в десятилетие.

— Кощеюшке? — очень ласково переспросила Кикимора. — Сидела?

Яга сделала большой глоток вина, понимая, что отступать поздно, и буркнула, что давно. На вопрос, насколько давно, ответила честно: семнадцать лет, он иногда оставался ночевать, но не каждый день. Стол взорвался. Марья требовала подробностей про трон, Елена — про то, во что Кощей одевается, когда раздевается, Василиса хотела знать, были ли составлены документы, а Русалка почему-то очень заинтересовалась, сохранились ли у Кощея шёлковые путы с тех времён и в каком они состоянии. Яга отбивалась полотенцем, пирогом и всем, что попало под руку, а Избушка за её спиной тряслась на ногах так, что звенела посуда в шкафу, и Яга готова была поклясться, что это был смех.

Отбившись, Яга решила, что лучшая защита — нападение, и развернулась к главной зачинщице.

— А ты, Кикимора, чего так ласково улыбаешься? Сама-то со сколькими миловалась?

— Чего?

— Ну, партнёров у тебя сколько было?

— А, — Кикимора задумалась, глядя в потолок навеса с честным лицом бухгалтера. — Три.

Стол разочарованно выдохнул, Елена даже пробормотала, что так и думала, но Кикимора вдруг подняла палец.

— Хотя постой. Я ещё случай вспомнила. Одиннадцать.

Девять кружек остановились на полпути ко рту. Кикимора спокойно отпила своё.

— Я же не виновата, что Черномор и племянники учения в моем болоте проводили — Всё! — объявила она наконец, швыряя газету на середину стола. — Закрывайте, бабы, этот блудный вестник, пошли лучше карасей чистить. Караси хотя бы молчат и ролевых игр от нас не требуют!

Женщины потянулись к бочке, всё ещё фыркая и переглядываясь. Яга задержалась у стола, сгребая со скатерти крошки, и только тогда заметила, что Кикимора никуда не пошла. Она сидела напротив, подперев щёку кулаком, и смотрела на Ягу тем долгим немигающим болотным взглядом, от которого сто лет назад у одного лешего отсырели сапоги.

— Ягусь, — негромко позвала она, и от этого вкрадчивого тона у Яги заныл зуб, который давно уже не болел. — А мужика-то тебе... не хочется?

У Яги имелся готовый ответ, выверенный веками и не требующий размышлений. У неё был дом, своя ступа, свои деньги, свои привычки и прекрасная возможность спать поперёк кровати, не находя под боком чужих острых локтей. Ответ уже вертелся на языке, но Яга почему-то посмотрела на газету, где Кощей обещал полное погружение, а Садко страдал по владычице морской, и подумала, что все эти нелепые, смешные мужики хотя бы чего-то хотят и не стес-

няются печатать это крупным шрифтом. А она, передовая женщина по самой заморской моде, семьсот лет хотела только одного: чтобы её не трогали.

— Допустим, — сказала Яга.

Сказала она это тихо, но у бочки вдруг перестали плескаться караси, потому что восемь женщин замерли одновременно, и восемь голов медленно повернулись к ней, как подсолнухи к солнцу. Позже, когда по лесу начнут летать сороки с её личным рейтингом, Кощей пришлёт упыря-нотариуса оценивать Избушку, а одному кузнецу придётся объяснять, за что он поставил ей три звезды, Яга не раз вспомнит этот вечер. И будет совершенно точно знать, где ошиблась впервые: не тогда, когда захотела мужика, а тогда, когда сказала это при бабах.

Глава 3. Утро после

Утро после праздника Яга встретила на лавке под навесом, укрытая чьей-то шалью и рябиновым венком, который за ночь съехал ей на ухо. Двор выглядел так, будто пережил небольшую, но очень весёлую войну.

Марья Моревна спала в бане на полке, поперёк, в сапогах и с выражением человека, взявшего крепость. Русалка устроилась в бочке с остатками карасей и тихо побулькивала во сне. Царь-девица обнаружилась на крыше сарая, куда, по её собственным позднейшим словам, полезла посмотреть на звёзды и решила, что спускаться уже не стоит. Василиса ушла на рассвете, оставив на столе аккуратно сложенный список, где последним пунктом её почерком значилось «не повторять». Кикимора сидела у печи с кружкой рассола и выглядела так же, как всегда, что само по себе было подозрительно. Избушка стояла посреди поляны, вся в лентах, и при каждом шаге хозяйки довольно поскрипывала, словно напоминала: я всё слышала.

Яга нащарила ногами сапоги и надолго уставилась на них с подозрением, пытаясь сообразить, оба ли принадлежат ей. После вчерашнего это был вовсе не праздный вопрос: десять женщин, две бочки Царь-девицы и Русалкин салат способны перепутать не только обувь, но и имена, эпохи и собственные намерения. Сапоги оказались её. Оба. Левый, правда, хранил на голенище зелёное пятно загадочного происхождения, и Яга предпочла не выяснять, чьё это творчество.

— Если это Русалка, я её съем, — прохрипела она. — Живьём. С хвостом.

Избушка осуждающе скрипнула половицами.

— Не смей меня воспитывать. Ты вчера тоже плясала.

На столе, между пустыми кружками и последним пирогом, лежала бархатная коробочка, перевязанная кумачовой лентой, а под лентой записка на надушенной бумаге:

«Ягусь, это тебе. Мне в редакции подарили, а у меня уже есть, премиальный. Л.»

Лебедь, разумеется, уехала ещё ночью: она никогда не оставалась на утро, потому что утро, по её мнению, плохо сказывается на цвете лица. Яга развязала ленту. На атласной подушечке лежало круглое серебряное зеркальце на короткой ручке. Ободок густо покрывали резные голубки, целовавшиеся с таким усердием, что смотреть на них было почти неприлично, а сама гладь подозрительно мерцала розоватым светом.

— Оглядное Оконце, — сообщила Лягушка, выползая из-под стола, где, как выяснилось, и провела ночь. Голос у неё был хриплый, а заколка торчала из волос под углом, который не одобрил бы ни один царевич. — Ой, Ягусь, это же от «Трынтера»! Без него теперь на этом рынке вообще делать нечего.

— А газета на что?

— Газета — это анкеты, отзывы и звёзды. А в Оконце листаешь, кто рядом. Дай покажу. — Лягушка взяла зеркальце с той серьёзностью, с какой обычно берут в руки заговорённый нож. — Система называется «Любо-Тьфу». Если тебе кандидат нравится, проводишь пальцем по правому ободку, то есть свайпишь, по часовой стрелке. Это значит «Любо». Анкета улетает в архив согласия.

— А если не нравится?

— А если парень не в ресурсе или у него на портрете чужая рыба, проводишь против часовой, со словами «Тьфу на тебя». И всё! Его с твоей поляны стирает навсегда.

— А если обоим «Любо»?

— Тогда звенит свадебный колокольчик. Это называется «мэтч».

— Звучит как болезнь.

— Иногда так и есть. А если мужчина тебе ответил и потом три дня молчит, гладь затягивает туманом. Это называется «гостинг». То есть зашел, поглазел, и растворился в закате.

— Это тоже болезнь?

— Это мужчины, — сказала Кикимора от печи.

Яга взяла зеркальце за ручку. Серебро приятно холодило ладонь. На розовой глади, качнувшись, проступил молодец в кафтане, который старательно выпячивал грудь на фоне коня, и при одном взгляде на коня становилось ясно, что конь чужой.

— А он узнает, если я его...

— Только если сам поставит «Любо».

Яга посмотрела на молодца, на коня, решительно провела пальцем против часовой стрелки и чётко произнесла:

— Тьфу на тебя.

Зеркальце тихонько шикнуло, молодец пошёл рябью и растаял, а на его месте возник следующий, с рыбой.

— Вот это я понимаю, гигиена леса, — одобрительно хмыкнула Кикимора. — Не надо каждого дурака на крыльце выслушивать. Отсвайпала прямо из спальни, и пусть едет к маменьке.

Яга сунула Оконце в карман передника, налила себе кофе покрепче, потому что после двух бочек Царь-девицы он требовался ей как лекарство, и подтянула к себе вчерашний «Трынтер». Вчера газету читали всем столом, с хохотом и по выбору Русалки. Сегодня Яге хотелось посмотреть на неё трезвыми глазами и без комментаторов, хотя комментаторы, судя по всему, никуда уходить не собирались.

Лягушка подсела рядом с кружкой рассола. На второй странице было содержание, и Яга читала его всё медленнее, как человек, спускающийся в погреб, где, по слухам, водится что-то живое: «Ищу царевну», «Князя без посредников», «Бессмертные для серьёзных отношений», «Разведённые с теремом», «Заморские», «Военные и богатыри», «Лесные», «Водные», «Магически одарённые».

— Слушай, а «Без маменьки» у них есть?

Лягушка молча перелистнула несколько страниц и ткнула пальцем в самый угол. Рубрика «Без маменьки» занимала жалкую четверть страницы и выглядела до того сиротливо, что хотелось накрыть её платочком. Яга посмотрела на рубрику. Лягушка посмотрела на Ягу. Обе промолчали, потому что некоторые вещи на свете в комментариях не нуждаются.

Первым попался князь Всеволод. С картинки глядел до неприличия приятный мужчина: аккуратная борода, ровные белые зубы и то особенное выражение лица, какое бывает у людей, ни разу в жизни не спросивших, почём нынче овёс. Яга прочла вслух, с выражением, как читают приговор:

— «Всеволод, сорок семь лет. Разведён. Двое детей. Собственное княжество. Люблю охоту, путешествия, хорошие книги и домашний уют. Ищу добрую, умную женщину для серьёзных отношений. Бывшую супругу просьба не беспокоить». А ведь неплохо. Складно пишет.

— Ты отзывы читай, — посоветовала Лягушка. — Самое вкусное у них всегда в погреб.

— В каком ещё погребе?

— Так в «Трындере» отзывы называют. Наверху анкета: что мужик сам про себя написал, то и лежит на виду, как пироги на праздничном столе. А внизу погреб. Туда бывшие складывают всё, что с ним за годы засолили, заквасили и замочили. Сверху парадное, а в погребе запасы на зиму.

Яга покосилась на крышку собственного погреба, под которой стояли семь банок сушёных жаб, и решила, что сравнение, пожалуй, честное.

Первый отзыв сиял пятью звёздами: «Воспитанный. Принёс цветы. В трактире заплатил сам». Яга возмущённо отодвинулась от стола.

— Пять звёзд за то, что мужик расплатился за ужин?! До чего же нынче у девок упали запросы!

— Не спеши. Читай дальше.

Второй, на четыре звезды, сообщал: «„Двое детей проживают с матерью“ означает, что мать детей проживает в соседнем крыле его терема. „Мы почти не пересекаемся“ означает два раза в день». Яга замерла с куском хлеба на полпути ко рту.

— В одном тереме? Они живут в одном тереме?!

— Формально в разных крыльях, — деликатно уточнила Лягушка.

— Ах, в разных крыльях! Ну тогда, конечно, совершенно чужие люди. Практически незнакомцы.

Третий отзыв состоял из единственной сиротливой звезды и четырёх слов, написанных так, будто перо при этом ломали о колено: «Я и есть бывшая. Всеволод, когда ты уже съедешь?».

Яга медленно положила хлеб. Потом закрыла глаза. Потом начала улыбаться, и улыбка вышла такая широкая и счастливая, что Лягушка слегка отодвинулась.

— Мне нравится.

— Всеволод? — осторожно спросила Лягушка.

— Газета! Лягушка, это гениально! Тут тебе и анкета, и отзыв, и погреб! За триста лет я насмотрелась на мужиков, которые выглядели как Всеволод, и каждый раз, чтобы добраться до погреба, уходили месяцы. А тут три строчки!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.